

Ю. Я. Вин

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ СРЕДНЕВЕКОВОЙ СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНЫ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В наши дни междисциплинарные подходы к изучению явлений и процессов прошлого выводят на первое место проблему социокультурного концепта. Современная когнитивистика в понятии «концепт» усматривает единицу ментальных ресурсов сознания и информационной структуры, отражающих знание и опыт человека. Объективная потребность современного исследователя в воссоздании концептов обусловлена их неразрывной связью с процессами его собственного мышления и познания¹.

Что касается историков, то, к сожалению, пока речь идет в основном об эмпирических наблюдениях². Зарубежная историческая наука, накопившая довольно богатый опыт изучения исторически сложившихся концептов, также не достигает уровня теоретического знания. Скажем, С. Рейнолдс, касаясь принципиальных сторон жизни средневекового социума, неоднократно обращалась к концептам

¹ Микешина Л. А. *Философия познания: Полемические главы*. М., 2002. С. 502, 506-507 и далее. Д. С. Лихачев в свое время предлагал рассматривать т.н. картину мира в виде коллективной концептосферы. *Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста: Антология*. М., 1997. С. 280-287. См. также: *Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Волгоград, 2002. С. 42-43, 138, 146-147. Ю. С. Степанов считает концепты, соединяющие отдельные представления в единое целое, основной ячейкой культуры в ментальном мире человека (*Степанов Ю. С. Концепты: тонкая пленка цивилизации*. М., 2007. С. 19-20; *Он же. Язык и метод: К современной философии языка*. М., 1998. С. 80; *Он же. Константы: Словарь русской культуры*. М., 2001. С. 43-45). Критический отклик на интерпретацию термина «концепт» в первом издании труда Ю. С. Степанова (М., 1997) см.: *Тарасов Е. Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира*. М., 2000. С. 30-31.

² См.: *Категории и концепты славянской культуры. Труды отдела истории культуры*. М., 2008. С. 3-8.

и сделала ряд наблюдений методологического характера, относящихся к правовым, социально-экономическим и политическим аспектам исторического процесса³. В частности, обратив внимание на очевидные расхождения между средневековым восприятием и современными научными представлениями, она призвала постигать историческую действительность путем анализа концептов, которыми руководствовались люди прошлого⁴.

Далеко не всякий историк видит в «концепте» нечто большее, чем просто «понятие». В этом плане шагом вперед нужно считать исследования С. С. Неретиной, отправным пунктом которых избрано Средневековье. Средневековая мысль обнаруживает тенденцию к сложной структуре воплощения субъектных отношений, которые не ограничены грамматическими основаниями, а реализуются в интенциях творческого начала и содержания высказывания. Благодаря этому, опосредующие друг друга письмо и речь превращают целостное произведение в «концепт»⁵. Начиная с этого момента, идея «концепта» прodelывает сквозь столетия длительную эволюцию⁶.

Для исторического познания большое значение имеют критерии социальности, позволяющие осмыслить социальную стихию посредством семиотических концептов «значения», «образа», «знака», «символа» и других идеальных, т. е. принадлежащих к сфере сознания, категорий, без которых немислимо воссоздание системных отношений⁷. Именно в этом плане рассматривается далее концепт средневековой сельской общины, неразрывно связанный с репрезентацией концептов собственности и свободы.

Многие поколения ученых придают особое значение вопросу о юридическом статусе сельской общины. В то же время весьма значимым направлением является изучение форм ее социальной и приходской организации, сельского самоуправления: ведь названные стороны общинного бытия относятся к результатам деятельности людей, которые, будучи отчуждены от их создателей, формируют

³ См.: Reynolds S. *Kingdoms and Communities in Western Europe, 900–1300*. Oxford, 1984. P. 17, 20, 45, 59–60 etc., 141, 203, 221, 314, 323 etc., 336–337.

⁴ Ibid. P. 59, 73–74, 141, 203, 324, 332–333, 337.

⁵ Неретина С., Огурцов А. *Время культуры*. СПб., 2000. С. 300.

⁶ Неретина С. С. *Тропы и концепты*. М., 1999. С. 50.

⁷ Арутюнова Н. Д. *Язык и мир человека*. М., 1999. С. 313 и далее.

одну из важнейших областей материальной культуры. Составляя ее социальную материю, общественные институты (социальная организация, органы сельского самоуправления и сельский церковный приход) лишь упорядочивают отношения людей в качестве объективно существующих реалий, принадлежащих одновременно и обществу, и культуре. Названные стороны организации односельчан являют собой социальные образования, которые предопределяют и строение духовной культуры человека⁸. В традиционном обществе исконное социальное неравенство с присущей ему системой вертикальной классификации порождает сословное деление социума, которое само по себе не вызывает протеста, поскольку воспринимается как неотъемлемая часть божественно устроенного миропорядка⁹.

Важнейшее место в процессе раскрытия сути социокультурного концепта общины занимает изучение проявлений общественной активности крестьян, прямо связанной с их групповой психологией и проблемой «коллектива»¹⁰, которая непосредственно затрагивает семью, приход, братства и иные молодежные, женские и стариковские объединения, известные как формы социализации помимо общины¹¹. В этом плане весьма показательна позиция С. Рейнолдс, которая в своих изысканиях систематически акцентировала внимание на тех или иных сторонах коллективной активности населения¹². Хотя она отрицает регулярность совместных акций, в селах или объединениях различных селений, поместьях и приходах коллективные формы поведения не были редкостью. Они объясняются не принадлежностью участников коллективных действий к одной общине, а общими интересами, объединявшими селян, которые далеко не всегда выступали осознанно, в группу¹³. Систему отношений, основанная на коллективной активности и совместной деятельности, побуж-

⁸ Ср.: Каган М. С. Философия культуры. СПб., 1996. С. 181-182.

⁹ Ср.: Ионин Л. Г. Социология культуры. М., 1996. С. 231-234.

¹⁰ Подробнее см.: Вин Ю. Я. Междисциплинарное исследование средневековой сельской общины: социокультурный и историко-психологический аспекты // Сравнительное изучение цивилизаций мира. М., 2000. С. 239-241.

¹¹ Ср.: Lynch K. A. Individuals, Families and Communities in Europe, 1200–1800: The Urban Foundations of Western Society. Cambridge, 2003. P. 12-14.

¹² Reynolds S. Op. cit. P. 34-36, 59ff, 90-97, 148-152, 198ff, 332ff.

¹³ Ibid. P. 138 etc.

дала соседям к более эффективному использованию «земли и торговли», т. е. производственному взаимодействию, подталкивавшему жителей к непосредственному общению на определенных территориях. Исследовательница называет коллективную активность характерной чертой сельской общины, которая воплощалась и в возведении приходской церкви, и в исполнении воинских обязанностей, и в солидарности, проявляемой в экономической деятельности и управлении¹⁴. При этом она считает недостаточной предпосылкой возникновения общины совместное существование ее членов и, более того, наделяет коллективную активность характеристиками, превращавшими общину в «эмоциональную», равно как и в «формальную» или «правовую» единицу. Ее члены были не просто соседями или работали сообща: они образовывали общину. Однако, как убеждена С. Рейнольдс, «община» не является концептом, который возможно прилагать ко всем обществам. Руководствуясь тем, что «не существовало человеческой коллективности», отвечавшей «совершенной общине», она развивает идею преобразования коллективной активности на историческом пути общинного института к получению прав самоуправления. В ходе этого процесса локальные общины обретали новый смысл, который отождествляется с «общинными ценностями», составлявшими, в интерпретации английской исследовательницы, существо общинной солидарности¹⁵.

Однако вряд ли оправданно анализировать особенности общественного сознания крестьян без обращения к мотивации главных направлений деятельности земледельца и членов его семьи, скажем, таких, как занятость в производстве или участие в социальных движениях. Необходимо объяснение нюансов каждодневного поведения и отдельных поступков представителей сельского сообщества. «Инстинкт коллективности», а точнее — компоненты группового самосознания формируются в сознании человека в ходе социализации его личности. Этот процесс связан непосредственно с пребыванием в определенном коллективе, где социализация личности протекает на основе бытовых социальных контактов. Чувство общности с окружающими усиливается в результате ощущения родства и общности

¹⁴ См.: *Reynolds S. Government and Community // New Cambridge Medieval History. Cambridge, 2004. Vol. 4. Part 1. P. 93-94, 100-105.*

¹⁵ *Ibid.* P. 109-111.

происхождения, которым сопутствуют в качестве неотъемлемых атрибутов представления о родной земле, родном доме, родном языке¹⁶. По выражению Я. В. Чеснова, модус крестьянского поведения являет собой особая коллективная ментальность, воплощающаяся в природных условиях существования земледельца. С одной стороны, важнейшим фактором его бытия оказываются кровнородственные и соседские связи, составляющие основу жизнеспособности крестьянского коллектива, с другой — органическая связь селянина с землей: витальность и связь с землей образуют два полюса крестьянского менталитета, определяют дуализм мышления земледельца¹⁷.

Решение указанной задачи в ходе анализа средневековой общины подразумевает концепция крестьянской солидарности¹⁸. В ее основе — системная, хотя, как кажется, излишне субъективная, дифференциация форм деревенской солидарности. Авторы различают горизонтальную солидарность и вертикальную. *Первичная солидарность* охватывает коллективные отношения крестьянства, которые распространяются на приходскую организацию и церковно-религиозные функции сельской общины. *Вертикальная солидарность* предполагает выделение связей членов общины с их сеньором¹⁹. Впрочем, этот подход подразумевает ряд форм выражения солидарности: военный, судебный, финансовый, политический и другие аспекты коллективной жизни села, в т.ч. и организацию его самоуправления²⁰. Названные ученые умеют разглядеть источники солидарности селян в любом нюансе их повседневных взаимоотношений, начиная с семьи, дома и окружающего пространства и завершая системой обложения, участием жителей села в коммунальном движении и народных восстаниях²¹. Но особо акцентированы в плане проявления солидарности складывающиеся в средневековой деревне отношения собственности, крестьянско-сеньориальные свя-

¹⁶ Ср.: Козлов В. И. Этнос. Нация. Национализм. Сущность и проблематика. М., 1999. С. 221-222.

¹⁷ Чеснов Я. В. Лекции по исторической этнологии. М., 1998. С. 157.

¹⁸ Bourin M., Durand R. Vivre au village au Moyen Âge: les solidarités paysannes du 11e au 13e siècles. P., 1984.

¹⁹ Ibid. P. 16.

²⁰ Ibid. P. 135ff., P. 205ff.

²¹ Ibid. P. 28-29, 39, 54, 55, 80, 81, 83, 92, 93, 97-98, 141, 155, 176-177, 179, 191, 221-222ff.

зи, соседство, а также приходская организация²². По убеждению французских историков, указанные векторы взаимодействия членов сельской общины порождали в них сознание и чувство общности, особенно ярко обозначенной в религиозном плане²³. Подлинным воплощением реальной жизни прихожан считается местный храм с посещаемой ими церковной службой, расположенное вблизи кладбище, где покоятся останки далеких предков жителей деревни, а особыми признаками религиозности становятся праздники с их ритуалами и магическими атрибутами. Приходская организация укрепляет солидарность односельчан в самых разнообразных ее проявлениях²⁴. Внутреннее сплочение придает почитание усопших и святых покровителей²⁵. При этом к главным результатам повседневной активности верующих в рамках сельского прихода, относят формирование коллективного религиозного сознания²⁶.

Проявлением народной духовности являлись семейные обычаи, бытовые традиции, деревенские праздники. Исполняемые во время празднеств обряды, как и все ритуалы традиционных обществ, нейтрализуют деструктивные эмоциональные импульсы, улучшают психологический микроклимат общности, способствуя ее сплочению²⁷. Ведь суть деревенских обычаев состоит в выражении свойственных общине нравственных и эстетических норм, идеалов установок. Социокультурная активность членов общины ориентирована на достижение отнюдь не отличия, а подобия, главным критерием которого становится принцип «как у всех», «как у людей»²⁸. Бытовые

²² Ibid. P. 158ff; 99ff; 139ff; 57-58ff.

²³ Ibid. P. 71, 74, 76. М. Вебер полагал, что возникновение религиозного сообщества обуславливается жизнедеятельностью соседской общины на правах политического союза или экономической и фискально-административной организации, и сосредоточивал внимание на общинной религиозности, т.е. прямом влиянии мирян на основе длительной их совместной деятельности на конфессиональные устои общества. (Вебер М. Социология религии: (Типы религиозных сообществ) // Вебер М. Избранное: Образ общества. М., 1994. С. 123-127).

²⁴ Bourin M., Durand R. Vivre... P. 57-59, 62, 66-67 etc.

²⁵ Martin H. Mentalités Médiévales: XIe – XVe siècle. Paris, 1996. P. 234.

²⁶ Bourin M., Durand R. Vivre... P. 76.

²⁷ Ср.: Белик А. А. Психологическая антропология: история и теория. М., 1993. С. 113; Ионин Л. Г. Социология культуры... С. 133-134.

²⁸ Чеснов Я. В. Лекции... С. 92 и далее, 146-147, 165.

традиции и праздничные обряды организуют индивидуальную и коллективную деятельность людей, сплачивают группу, которую те образуют²⁹. Обычаи и обряды, помимо прочих своих функций, демонстрировали власть общности над индивидом и реализацию ее воспитательных полномочий³⁰. Участие в публичных церемониях и совместных обрядах придавало человеку особое эмоционально-психологическое состояние, ощущение — в наглядно-чувственном виде — своего единства с общинным коллективом³¹.

И все же, пожалуй, наиболее очевидным образом жизнеспособность и устойчивость общины как коллективного субъекта раскрывается в случаях возникновения различного рода конфликтов, которые в социально-психологическом плане рассматриваются в качестве реакции на неблагоприятные условия для достижения групповых целей³². В методологическом отношении важно принять во внимание, что определению мотивов и причин межличностного конфликта должен предшествовать анализ предметной активности группы, точнее — системы предметных взаимосвязей индивидов, поскольку их основой служит социально обусловленное проблемно-целевое содержание совместной деятельности³³. Указанные принципы присутствуют и в межгрупповом взаимодействии с проистекающими из него межгрупповыми конфликтами. Их рассмотрение правомерно начинать с анализа процесса категоризации общностей. Согласно древнейшей форме, живившейся в человеческом сознании на биполярности системы восприятия, члены общности ассоциируют себя с «Мы-образом», тогда как своих оппонентов соотносят с категорией «Они». Формула «Мы» — «Они» открывает дорогу к интерпретации межгрупповых отношений в качестве конкуренции

²⁹ Маркарян Э. С. Теория культуры и современная наука. М., 1983. С. 123.

³⁰ См.: Асмолов А. Г. Психология личности: Принципы общепсихологического анализа. М., 1990. С. 277.

³¹ Ср.: Гуревич А. Я. Социальная психология и история: источниковедческий аспект // Источниковедение: теоретические и методические проблемы. М., 1969. С. 404.

³² Платонов Ю. П. Психология коллективной деятельности. Л., 1990. С. 101 и далее. См. также: Кричевский Р. Л., Дубовская Е. М. Психология малой группы. М., 1991. С. 145-152.

³³ Донцов А. И. Психология коллектива: методологические проблемы исследования. М., 1984. С. 141.

между группами. Она воплощается в широком диапазоне от расхождения интересов до реального противоборства, обусловленных этнической принадлежностью представителей сталкивающихся сторон³⁴. Изучение межличностных конфликтных ситуаций позволяет распознавать уровень интеграционных процессов в системе внутригруппового взаимодействия. Лишь подлинные коллективы с присущими им социально-психологическими феноменами общности и сплоченности, в первую очередь — ценностно-ориентационным единством, способны преодолеть негативное влияние конфликтов³⁵.

Успешное разрешение поставленных проблем неразрывно связано с познанием динамических процессов, понимаемых как самопорождение и саморазвитие социальных систем и общностей, в частности сельской общины. На передний план выходит вопрос о роли общения и о характере восприятия членами общностей своего окружения. Согласно М. К. Мамардашвили, «восприятия» принадлежат к индивидуально-психологическим механизмам и только ими осуществляются. Но содержание таких процедур не может быть определено без общения и «без давания действовать через себя в точке силам бóльшим, чем само восприятие, и концентрированным вне субъекта»³⁶. Здесь, в «бóльших силах», легко увидеть собственно сельскую общину. Она, как и другие общности, сосредоточивает в себе огромный коммуникативный потенциал, предопределяющий культурную изоморфность своих пределов, а также сходных по типу образований. Л. Б. Алаев исходит из того, что все естественно сложившиеся локальные общности — будь то род, племя, патронимия и т. д., как и сельская община — вырастают на общем основании, выражавшемся в потребности общения, иначе — потребности в информации³⁷. В наши дни для ее оценки нередко служит осмысление сведений источников с позиций теории информации, включая современные концепции энтропии и стохастических процессов, которым не были чужды самые яркие (М. К. Мамардашвили, Ю. М. Лотман и др.)

³⁴ Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М., 2003. С. 226-231, 304 и далее.

³⁵ См.: Донцов А. И. Указ. соч. С. 147; Платонов Ю. П. Указ. соч. С. 113-115.

³⁶ Мамардашвили М. К. Стрела познания: набросок естественноисторической гносеологии. М., 1996. С. 117, 289.

³⁷ Л. Б. Алаев: община в его жизни. История нескольких научных идей в документах и материалах. М., 2000. С. 194-195.

представители гуманитарного знания³⁸. Вместе с тем, согласно рассуждениям современного зарубежного правоведа, лежащие в основе законодательных норм факты обретают минимально объективный характер, если опираются на мнения «общины» в целом. В данном случае не имеет принципиального значения, о какой из конкретных форм человеческой общности идет речь³⁹. Как здесь не вспомнить о свидетельских показаниях односельчан в поземельных судебных тяжбах, достоверность которых зиждилась на степени освоения информации в ее изустных, традиционных формах передачи от одной группы селян другой, одного поколения жителей села другому!

Само по себе «общение» отнюдь не сводится исключительно к скоординированному обмену информацией и совершению совместных действий в пользу их непосредственных участников. К действенным формам общения, таким как групповые или коллективные игры, ритуалы и обряды, состязания, которые напрямую возможно соотносить с принятыми нормами жизни сельской общины, тяготеет и конфликтное общение. Конечно, оно не нормативно, его нельзя ставить в один ряд с гармонизирующими типами общения, из которых проистекает заведомая полезность для всех общающихся лиц. Однако конфликтное общение требует самого пристального к себе внимания как сигнал общественного неблагополучия, будучи оборотной стороной общепользных форм совместных действий⁴⁰.

Перспектива изучения достоверности и глубины информационного поля многих жизненных эпизодов средневекового крестьянства зачастую лежит в сфере анализа бессознательных форм поведения: ведь солидарность членов общности ни в коей мере не объясняется только рациональными причинами, и ее невозможно оценить, не прибегая к выявлению действующих на интуитивном и произвольном уровне мотивов и побуждений, в которых оказывается сокрытым коллективное бессознательное. Его истинная подоплека раскрывается общим ходом когнитивной эволюции архаического

³⁸ Мамардашвили М. К. Стрела познания... С. 59 и далее; Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. С. 316-327.

³⁹ Analyzing Law: New Essays in Legal Theory / Ed. Br. Vix. Oxford, 1998. P. 290 etc.

⁴⁰ Ср.: Никитин М. В. Основания когнитивной семантики. СПб., 2003. С. 111-112.

мышления со свойственным ему типом пространственно-образного восприятия действительности к знаково-символическому (логико-вербальному) типу с присущими ему мысленными образами. Это предполагает радикальные культурные изменения и трансформацию мировоззренческих ценностей⁴¹. Признавая это, специалисты выделяют в ряду основных форм коллективистского мышления средневековое⁴². Не потому ли для анализа средневековых крестьянских восстаний некоторые зарубежные историки готовы воспользоваться специальными методиками «интерпретативных моделей», с тем чтобы в путаных описаниях источника угадать объективный смысл и восстановить истинный ход событий?⁴³ Важно принять во внимание, что в каждом случае социального протеста сплочение его непосредственных участников обуславливается не фактом согласия и взаимопонимания между ними, а реальными сдвигами в сознании и поведении инициаторов социального конфликта⁴⁴.

Аналогичные закономерности проявляются и в локальных общностях, где процессы непосредственного общения опираются на разнообразные способы коммуникации, как формальные, так и неформальные. При этом необходимо учитывать, что сама коммуникация всегда совершается в силу отрицательной обратной связи, то есть тогда, когда с точки зрения принятой социокультурной нормы происходит рассогласование между тем, что есть, и тем, что должно быть. Это наблюдается независимо от того, воплощается ли общение в устной речи, принимает ли оно ритуализированные формы, или, как это порою демонстрируют некоторые типы культуры, сопровождается крепким словом и кулаком⁴⁵. А это само по себе изобличает конфликтные ситуации, которые нередко наполняют повседневную жизнь села, к какой бы эпохе они не относились.

⁴¹ Меркулов И. П. Когнитивная эволюция. М., 1999. С. 63-69 и далее.

⁴² Ивин А. А. Введение в философию истории. М., 1997. С. 93 и далее; Хроленко А. Т. Лингвокультуроведение. Курск, 2001. С. 44.

⁴³ См.: Pearsall D. Interpretative Models for the Peasant' Revolt // Hermeneutics and Medieval Culture. N.Y., 1989. P. 63-70.

⁴⁴ Ср.: Белик А. А., Резник Ю. М. Социокультурная антропология: (историко-теоретическое введение). М., 1998. С. 195-196.

⁴⁵ Ср.: Петров М. К. Язык, знак культура. М., 1991. С. 41.

Ставя во главу угла неразрывную взаимосвязь понятийно-терминологического аппарата исторических источников с языковым субстратом и лексико-семантической системой, хотелось бы еще раз обратить внимание на наблюдения С. Рейнольдс. Отдавая несомненный приоритет идеям права, она полагает, что правовые концепты существуют только внутри соответствующих правовых систем. Со ссылкой на примеры концептов «правовой корпорации» и «правовой личности» С. Рейнольдс выражает уверенность в том, что они могут существовать только в пределах той правовой системы, в какой индивид или корпоративная группа действовали, а некорпоративная группа заданному правовому казусу отвечать не могла. Одновременно исследовательница убеждена в том, что «дух ассоциации» и «концепт коммуны» не несли в себе ничего нового. Эту сентенцию подкрепляет ее вывод о том, что «интеллектуальное развитие юриспруденции» в подготовке новых правовых норм уступало объяснению старых правовых положений⁴⁶.

Конечно, не эти заключения, а высокая оценка консолидации селян наряду с всесторонней характеристикой мотивов, могущих повлечь их объединение в «неформальные общины», составляет главную черту концепции С. Рейнольдс⁴⁷. Но это не компенсирует даже ее демонстративное признание в качестве фактора регулирования взаимосвязей населения различных форм и степени «общинности» (буквально: “community-ness”) как меры соучастия отдельных представителей социума и их непосредственного взаимодействия. Ведь главным был и остается тезис, провозглашающий общину юридическим лицом (legal personality)⁴⁸. Именно в таком свете британская историография трактует общину как сеть взаимодействующих между собой индивидов⁴⁹. Согласно этому, община предстает как наименьшая социальная единица устройства общества, которое обеспечивает свободу своих членов без ущемления их личных интересов. К сожалению, английское обозначение общины лишено множества углубляющих смысл этого понятия коннотаций, выраженных

⁴⁶ Reynolds S. Kingdoms and Communities... P. 60-66.

⁴⁷ Ibid. P. 122 etc.

⁴⁸ Ibid. P. 109-110.

⁴⁹ См., например: Lynch K. A. Op. cit. P. 14-15.

в русском его эквиваленте⁵⁰. Недаром англо-американская психоистория относит общину к разряду профессиональных ассоциаций, которые менее затрагивают личность взрослого человека, нежели подростковая группа — несовершеннолетнего. И хотя членство в указанных объединениях признается необходимым, а разрыв с «соседством и общиной» объявлен столь же «опустошающе сокрушительным», как потеря юношей своего родителя, данным ассоциациям приписывается «безличностный» статус⁵¹.

Наглядный пример указанной тенденции — критика в адрес автора этих строк со стороны его французской оппонентки И. Сорлин. Главным пунктом обвинений, обусловленных концептуальной разницей в интерпретации содержания феодализма и природы сельской общины, стало противопоставление концептов «деревенской общины» и «сельской общности». Качественное различие между ними, следуя логике рассуждений И. Сорлин, проистекает из фискального характера «общины»⁵². В противоположность зарубежным ученым, для отечественных историков «община» нерасторжимо связана с проблемой «общности», причем воспринимаемой в ее специфическом варианте — персонифицируемой (т. е. субъектной и непосредственно проецируемой на человеческую личность) «общинности».

Действительно, российская историческая наука всегда рассматривала «общность» и «общину» как нечто немислимое одно без другого, независимо от проблематики, которая находилась в центре внимания отдельных ученых. В последние десятилетия очевидный крен в эту сторону сделал Л. Б. Алаев, который, противопоставляя «общинность» индивидуализму, усмотрел в этом проявление историзма, буквально — направление «исторического движения»⁵³. Посвятив названной проблеме специальное исследование, видный теоретик единой мерой развития «общинности» предлагает считать

⁵⁰ *Елизарова Г. В.* Культурологическая лингвистика: Опыт исследования понятия в методических целях. СПб., 2000. С. 52.

⁵¹ Ср.: *Wolf E. S.* Psychoanalytic Selfobject Psychology and Psychohistory // *New Directions in Psychohistory: The Adelphi Papers in Honor of Erik H. Erikson.* Lexington, 1980. P. 43 etc.

⁵² См.: *Sorlin I.* Bulletin des publications en langues slaves: Recherches soviétiques sur l'histoire byzantine. V. 1986–1991 // *TM.* 1994. Vol. 12. P. 509.

⁵³ *Алаев Л. Б.* Указ. соч. С. 192.

степень вмешательства общинного коллектива в жизнь своих членов, выдвигая на первый план поземельные отношения⁵⁴. Позже Л. Б. Алаев углубляет свой анализ общинности, истолковывая ее как распространенность социальных объединений сельских жителей на территориальной или родственной основе, с учетом многообразия проявлений и функций таких образований, равно и тенденций к их ослаблению или усилению. К числу главных отнесены признаки экономической замкнутости общины, характер землевладения, общинное самоуправление, возникновение религиозной общности, сохранение родственных связей, а также тенденция эволюции общины⁵⁵. Тем самым сделана серьезная заявка на универсальность подхода к изучению сельской общины историками.

Таким образом, концептуальный подход к изучению сельской общины покоится на применении методов культурологии, исторической антропологии и психологии. Сельская община предстает как социальная группа, складывающаяся благодаря психологической общности и ценностно-ориентационному единству ее членов.

Анализ конкретных черт общины на основе ее структурно-функциональной модели призван охарактеризовать совокупность факторов развития общинного института, отправляясь от его взаимосвязи с окружающей средой, способов хозяйствования, отношений собственности, самоуправления и юридического статуса. Но главный упор надлежит делать на выявлении в источниках элементов общественного сознания, групповой психологии⁵⁶. Именно связанные с названными сферами ментальности категории выступают как средство социальной ориентации членов общины. В этом свете деревенские традиции, обычаи и обряды становятся наиболее значимым объектом исследования наряду со сведениями о природе конфликтов, в которые втягивались члены общины.

Предлагаемая теоретическая модель обеспечивает раскрытие природы общины даже в случае недостаточной степени ее эксплицированности в источниках.

⁵⁴ Там же. С. 199-200.

⁵⁵ Там же. С. 460-461 и далее.

⁵⁶ Ср.: Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры // Гуревич А. Я. Избранные труды. М.; СПб., 1999. Т. 2. С. 40, 51.